

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКОГО ИЗГОЙСТВА

Изгой – одна из самых загадочных категорий древнерусского общества. Многие поколения исследователей уже без малого два столетия задаются целью объяснения социальной природы изгоев, их общественного положения и исторической судьбы. Как правило, ни одна обобщающая работа по истории общественных отношений Древней Руси не обходится без постановки и решения этой проблемы, ей посвящено также немало специальных исследований, однако интерес к изгоям и изгойству не иссякает: по мере развития научных представлений о характере общественного строя Древнерусского государства историками вносятся все новые и новые коррективы в разработку рассматриваемой проблемы. В настоящее время уже стал историографическим фактом пересмотр сложившегося в 30 – 50-е годы взгляды на изгоев как на один из разрядов феодально зависимого населения (27, 136-146); установлено, что данной характеристикой далеко не исчерпывается специфика изгойства имевшего более глубокие социальные корни, более широкие, разноплановые проявления.

Другая черта историографии проблемы - наличие двух противоположных подходов к объяснению сущности изгойства. С одной стороны, можно видеть попытки, направленные на типологическое сближение изгоев с другими общественными группами в рамках одной гомогенной системы, что реализуется в стремлении дать однозначную в основном характеристику общественного положения изгоев, причислив их либо к разряду феодально зависимых людей (35, 308-309; 6, 254; 24, 149; 29, 243-245; 30, 167, 175; 13, 73), либо к числу людей свободных, не утративших «своих гражданских и политических прав» (15, 138, 138; 20, 189). С другой стороны, историки со времен Н. В. Калачова и С. М. Соловьева характеризуют изгоев как «особый разряд людей» (10, 59, 61; 23, 228), т. е. стоящий вне остального общества. Автор новейшего исследования об изгоях М. Б. Свердлов в результате собственных изысканий также приходит к выводу об «особом социальном статусе изгоев» в древнерусском обществе XI-XIII вв. (20, 190). Столь существенная разница в оценках не в последнюю очередь обусловлена тем, что известные к настоящему времени источники, даже при самой пристрастной их интерпретации, содержат чрезвычайно разнородную картину изгойства. Свидетельства их порой настолько противоречивы, что невольно возникает дилемма: либо источники описывают совершенно различные предметы, сообщая им одинаковое наименование, либо такую общественную категорию, которая радикально отличается от остальных, имея исключительно широкий состав. Если строго следовать показаниям источников, то область значения термина «изгой» будет включать в себя «от сидящих на земле феодала и эксплуатируемых им отпущенных на свободу рабов до князя, который, осиротев, не получит «отчину» (13, 76). Для разрешения возникающих в силу этого противоречий исследователи предпринимали попытки деления изгоев на «городских» - свободных и «деревенских»- зависимых (6, 250-251; 22, 105; 29, 245; 13, 73), а также на «церковных» и «княжеских» (5, 399; 16, 278; 34, 119; 9, 169), попытки, в которых выражалось стремление выявить какую-нибудь основную черту изучаемого явления, связать с ней остальные и таким образом обеспечить целостность и системность в объяснении столь разностороннего предмета.

Этот предельно общий абрис историографического состояния проблемы изгойства дает возможность убедиться в том, что дальнейшее развитие проблемы возможно лишь на пути поиска новых подходов к ее решению. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть изгойство с социологической точки зрения. Такой подход предполагает, во-первых, не только установление основных закономерностей положения изгоев в обществе, но и поиск тех социальных процессов, какие обусловили появление изгойства как общественного состояния, а также прослеживание путей взаимоотношений изгоев с остальным обществом на различных этапах развития общественной системы; во-вторых, мы

попытаемся раскрыть изгойство как широкое общественное явление, определить его место в системе глобальных общественных процессов в переходный период развития от первобытности к классовому обществу.

В источниках XI - XIV вв. изгой фигурирует в одном ряду с другими, сложившимися к тому времени разрядами населения. Однако при взгляде с социологической точки зрения обнаруживается существенная особенность, отличающая изгоев от всех остальных общественных групп. Выясняется, что изгой - категория, не имеющая определенной социально-ролевой основы, под которой мы понимаем, во-первых, совокупность присущих всякой общественной группе (разряду, корпорации, сословию) определенных социальных функций и, во-вторых, соответствующее общественной роли определенное положение в существующей системе общественных отношений.

Основные социальные подразделения древней Руси крестьяне-общинники, ремесленники, купцы, рабы, духовенство, дружинники, бояре и князья - формируются как результат первоначального общественного разделения - выделения ремесла и торговли, возникновения городов, положившего конец первобытному строю (35, 39-42; 6, 71-118; 13, 33-58; 17, 62-75; 20, 23-28) и предполагавшего в дальнейшем выработку и закрепление в известных формах такой общественной организации, которая бы строилась на принципе социально-ролевого разделения. Этим принципом предусматривается закрепление за каждой из участвующих в разделении групп строго определенных производственных или регулятивных функций, которыми в свою очередь определяются роль и место каждой группы в структуре общественных связей. Результаты этого процесса отличаются, как правило, долговечностью и стабильностью, являясь капитальными основаниями существующего общественного порядка, которые не затрагивают поверхностные изменения общественной жизни. Именно поэтому с каждой из таких групп с момента их возникновения прочно связывается понятие о той роли и месте, которые принадлежат ей в повседневной жизни.

Изгой лишены определенной социально-ролевой основы, делавшей бы их прочным звеном существующей системы общественных отношений. Изгой - это некая «сборная команда» с неопределенным до конца составом, образованная из разнородных как в социальном, так и в правовом отношении элементов. Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича относится к числу их: а) выкупившихся холопов, б) неграмотных поповичей, в) обанкротившихся купцов, г) осиротевших князей (1, 157); исследователями не раз подчеркивалось, что приведенный Уставом перечень не исчерпывает всего многообразия, изгойства, в нем, содержатся лишь те группы изгоев, на которые церковь намеревалась распространить свой патронат, действительность же знала куда больше случаев изгойства (21, 298; 8, 114; 35, 310), среди них могли быть изгой - д) исключенные из рода, е) вышедшие из крестьянской общины, ж) вышедшие из городской сотни и проч. (6, 250; 29, 245; 22, 111; 13, 73; 27, 142; 26, 231). Перед нами чрезвычайно пестрая, разношерстная масса. Здесь нет и не может быть того, что всегда объединяет людей по принадлежности к общественной группе или сословию - совместного занятия одним каким-нибудь видом хозяйственно-производственной или общественно-регулятивной деятельности и одинакового для всех общественного положения. Изгоев, как в экономическом, так и в социальном аспекте, ничто не связывает между собой, ничто другое не объединяет, кроме самого факта изгойства, что означает только прекращение прежнего общественного состояния (в каждом отдельном случае особого и в силу особых причин), но никак не установление нового состояния (10, 59, 61; 23, 228; 7, 319; 16, 277; 15, 138; 32, 258), одинакового для каждого изгоя.

К моменту появления изгойства как общественного явления в результате социально-ролевого разделения в основном сложилась общественная система, функционирование и дальнейшее развитие которой осуществлялось путем углубления социальной дифференциации; появление же новых групп, генетически не связанное с процессом

первоначального общественного разделения, в наших глазах имеет характер временного отклонения от основного пути общественного развития, обусловленного, его внутренними противоречиями.

Таким образом, изгойство справедливо было бы рассматривать, прежде всего, как особое общественное явление, которое, порождает не одно определенное, а сразу несколько общественных состояний. Изгой предстают перед нами: 1) зависимыми людьми, к числу которых принято относить выкупившихся на волю холопов, ставших вольноотпущенниками и пребывающих урочный срок под патронатом прежних господ (14, 65-68; 12, 355-357; 5, 399; 8, 115; 35, 311; 29, 244; 30, 175; 27, 141); 2) людьми свободными, к ним принадлежат изгой рода, земледельческой общины, городской сотни, любых других корпораций свободного населения (35, 310; 6, 250; 15, 138; 27, 143; 20, 189;) 3) полусвободными людьми, как определяет изгоев, находящихся под патронатом церкви или князя некоторые исследователи (16, 277; 27, 145).

Такое многообразие объясняется, во-первых, эволюцией института изгойства: по мере общественного развития обнаруживаются три социально-исторические типы изгойства - изгой рода, изгой общины, изгой сословия - не только последовательно сменяющие друг друга, но и, что важно отметить, сосуществующих друг с другом. Во-вторых, изгойство на последнем этапе своего существования охватывало самые разные общественные слои и группы, имевшие различный социально-правовой статус. Разнообразие социального происхождения обуславливает и ту существенную разницу в общественно-правовом положении между отдельными изгоями, которая составляет еще одну характерную черту этой исключительной категории древнерусского общества. Действительно, социально-правовой статус князя-изгоя должен отличаться от статуса изгоя - разорившегося купца; исследователями подмечено, что князя-изгой в источниках только уподобляясь остальным изгоям, но не смешивались с ними в одну массу. (6, 251; 9, 169; 31, 258). Статус изгоя общины или рода должен отличаться от статуса изгоя - выкупившегося холопа: изгой общины и рода - это, как принято считать, изгой Русской Правды, ставившей их в один ряд с гриднями, ябетниками, мечниками, княжьими мужами, княжьими и боярскими тиунами (2, 70, 104); а вот изгой-вольноотпущенники фигурируют в компании пущенников, прощенников, задушных людей, вдовиц, слепцов, хромцов - разного рода «убогих» и «богадельных» людей, призреваемых церковью (1, 157), что определенно указывает на неодинаковый уровень правоспособности первых и вторых.

Изгойство как особое общественное явление было вызвано к жизни особыми общественными процессами, особыми в том смысле, что они не были связаны напрямую с процессом первоначального общественного разделения. С падением родовой организации ослабли или полностью разрушились прежние ограничения на пути социального расслоения, образования социальных «верхов» и «низов» не только в обществе в целом, но и в отдельных общественных группах, принявших характер территориальных, сословных или профессиональных союзов. Это, на наш взгляд, вызвало ту, по словам С. А. Покровского, «перегруппировку общественных сил», последствием которой получился своеобразный отсев жертв данного процесса» (15, 139). Исключение здесь может быть только в отношении изгоев - выкупившихся холопов, если согласиться признать в них либертов, состоящих под патронатом своих прежних господ. По А. Е. Преснякову, сохранение власти господина над выкупившимся холопом имеет собственную традицию и восходит ко временам более древних «воззрений и отношений» (16, 275), однако реалии общественной практики Руси XI-XII вв. возрождают к новой жизни эту старую традицию (27, 141).

Вместе с тем, в Древней Руси заметно действие еще одного постоянного фактора изгойства. По мере количественного увеличения населения и полного истощения запаса старопахотных земель, часть населения превращалась в избыточную рабочую силу «как бы выталкивается из сферы производства в одном месте и должна была искать

приложения своих сил в другом» что чаще всего происходило «посредством лишения части производителей средств производства» (25, 190). Изгойство, так. обр., питалось также за счет образования демографических излишков прежде всего среди сельского люда.

Оказавшись, вследствие изгойства, в положении, «лиц, порвавших со своей средой, но не вступивших еще в другие социально-юридические группы» (31, 258), изгой были первыми среди тех общественных элементов, которые остро нуждались в социальном покровительстве и защите, ведь реальные условия социальной действительности Руси были таковы, что «стабильность общественного статуса того или иного индивида легко могла быть подорвана, окажись он в социальном одиночестве» (27, 141), Социальное покровительство над изгоями реализовывалось в форме патроната, источники которого могли быть не только князь и церковь факт существования церковного и княжеского патроната прочно установлен С. В. Юшковым (33, 52-53, 58-59; 34, 119-121; 35, 306-312), но также, в случае с вышупающимся холопом, частные лица, отдельные холоповладельцы (27, 141).

Устанавливая факт патроната в отношении изгоев, исследователи древнерусского изгойства распространяют сферу его действия только на одну категорию изгоев - выкупившихся холопов (27, 139-140). Между тем, патронат как форма социальной защиты тех, кто в силу различных причин оказался в «социальном одиночестве», был объективно необходим не только в отношении вольноотпущенников. Как в случае с выкупающимся холопом, так и будь то со всяким другим, изгойство носит индивидуальный характер. Холоп, общинник, купец, поп, князь и равно представители других общественных групп становятся изгоями всякий по-своему: в разное время и в силу различных обстоятельств; каждый из них в равной мере, отрываясь от своей прежней социальной среды, одинаково попадает в общество, «вне которого он жил до тех пор» и которое «не представляло для него надежной поддержки» (27, 140). Не менее любого холопа в социальном покровительстве нуждался, скажем, обанкротившийся купец, ставший изгоем за долги, ведь такого купца-расстратчика, в случае признания его вины, согласно 54-ой статье Русской Правды, ожидало долговое рабство (4, 68). Избежать этой участи ему помогало покровительство церкви, провозглашавшей его изгоем и принимавшей под свою юрисдикцию, что гарантировало сохранение прав свободного человека (20, 188).

К сожалению, за недостатком источников невозможно найти другие примеры, подобные только что приведенному и одинаково с ним достоверные. Тем не менее, попробуем доказать, опираясь на косвенные данные, что изгой, кем бы они ни были, в силу специфики изгойства оторванные от своего прежнего общественного союза, более кого бы то ни было нуждались в социальной защите. Прежде всего, следствием изгойства являлась утрата тех материальных средств существования, которые связывались с прежним общественным положением изгоев (21, 300; 8, 114; 35, 310; 6, 249). Легко убедиться, что этот смысловой аспект был заложен в понятие «изгой» с самого момента его возникновения и действовал во все время существования термина - как в отношении изгоев рода (10, 61) и земледельческой общины (34; 120), так и в отношении изгоев общественных групп сословного общества. Последнее вытекает из, приведенного выше примера с разорившимся купцом, который, став изгоем и будучи исключенным из своей общественной корпорации, не может более жить доходами с торговли. Точно так же неграмотный попович, лишенный своего звания не мог пользоваться доходами от службы, а выкупившийся холоп не мог пребывать, как раньше, на иждивении господина (11, 494). Наконец, князь-изгой, теряя «причастие» в Русской земле, лишался всех связанных с положением князя доходов, лишит князя волости, значило лишит его «хлеба», «жизни» (27, 60-65). Основная семантическая сторона понятия «изгой» становится тем более очевидной, что в Древней Руси летописного периода слова «гобино» (одного корня с «изгой») и «жизнь» одинаково обозначали продукты земледельческого труда (29, 243-244) как основного источника материального существования человека в земледельческом

обществе.

Если далее следовать лексическому значению термина «изгой», то обнаруживается, не смотря на всю его полисемантичность, то, что изначально он заключал в себе общий смысл лишенного качества, придаваемый приставкой из- (20, 186). Экономическое выражение этого смысла мы только что попытались раскрыть. Рассмотрим теперь его социальную и юридическую стороны. Изгон, порывая связь со своей родной социальной средой, будь то род, община или сословие, неизбежно лишаются социальной поддержки и защиты прежнего коллектива, что в равной степени характерно как для родовой эпохи (10, 61), когда изгой считался к тому же лишенным защиты родового божества, так и для последующего времени, когда изгойство вело к «прекращению защиты общинной организации» (35, 309), как и любой другой организации раннеклассового общества.

Основное значение понятия изгойства (утрата прежнего качества) реализуется также в изменении юридического статуса лица, ставшего изгоем. В период господства родовых отношений обычай предписывал видеть во всех инородцах без исключения врагов своего собственного рода со всеми вытекающими отсюда, в том числе и правовыми, последствиями (10, 61). Это значило, что изгой, прежде полноправный член родового сообщества, вследствие выхода из него оказывался вне всякого закона и вряд ли когда-нибудь мог восстановить свой правовой статус. Изгой рода, вероятно, находили себя среди тех «косных» сил родо-племенного строя», о которых летопись говорит: «и умножившая зело разбоеви» (19, 73-74; 28, 42-43). Изгой оторвавшийся от территориальной общины, также в известном смысле становился лицом, «пораженным в правах». Согласно Б. Д. Грекову и И. И. Смирнову, изгой общины древней Руси, подобно «мигранс» Салической Правды, будучи принятыми в другую общину, не сразу становились ее полноправными членами: должен был истечь определенный срок, на время которого права изгоев-мигранс были существенно ограничены (6, 250-251; 22, 105). В дальнейшем, по мере усложнения общественных отношений, изгойство для отдельного человека уже не обязательно связывалось с подрывом его правового статуса: для выкупившегося холопа Устава Всеволода оно, напротив, «дает право нового юридического статуса, предоставляя высокую денежную охрану жизни взамен прежней пятигривенной» (20, 188). Тем не менее, изгойство по-прежнему означает прекращение правовой защиты той общественной корпорацией, из состава которой выпал изгой. Установление нового правового статуса изгоя, являющееся следствием патроната, отнюдь не гарантирует ему обеспечение правоспособности в прежнем объеме. В большинстве случаев происходит обратное: удельный вес правовых возможностей отдельного лица существенно снижается вследствие изгойства. Устав Всеволода зафиксировал уровень правоспособности поделомственных церкви изгоев на уровне прав так наз. «церковных» или «богадельных» людей, точнее, той части их, которая известна в средневековых латиноязычных источниках под названием «персоне мизирабилес» и которая состояла из разного рода выброшенных из жизненной колеи элементов (35, 306), представлявших собой «нагрузку, которую брала на себя церковь как организация, связанная своим происхождением с религией обиженных и угнетенных» (32, 105; 18,304-305). Изгой Русской Правды внешне поставлены в одном ряду с купцами и младшими дружинниками, что создает впечатление равноправия между ними. Однако, как остроумно замечено Б. Д. Грековым, «это равноправие такого же происхождения и так же относительно, как и право закупа жаловаться на своего господина, если этот последний бьет его не «про дело»». (6, 250). Что касается уравнивания вир за голову изгоя и свободного человека, то это отнюдь не доказывает еще равенства всех прочих прав (5, 399).

Таким образом, правовой статус изгоев, будучи выражением социального и имущественного статуса, в целом несомненно, ниже, чем у остальных свободных членов формирующегося гражданского общества. Этот вывод не обходит и изгойвольнотпущенника, который, хотя уже и не раб, но еще далеко не свободный и не полноправный субъект социально-правовых отношений, при том, что его общественно-

правовой статус, вследствие изгойства, безусловно повысился. Утрата имущественного и социально-правового обеспечения, источником которого являлся родовой или общественный союз отторгавший от себя изгоя, всегда была неизбежным следствием изгойства. В этой части вполне обоснована и оправдана характеристика изгоев как «социальных эксов», лишенных «жизни», стоящих вне общества. Необходимо однако учитывать, что такое положение существовало лишь до времени появления института публичной власти, стоящей над отдельными общественными корпорациями и действующей в интересах общества в целом. Проводниками публичной власти были поначалу князь, затем и церковь. Вокруг них начали формироваться новые правовые отношения, растворявшие в себе те социальные элементы, прежние правовые связи которых ослабли или полностью оборвались. Социально-правовое положение изгоев стало необходимым и достаточным показанием к тому, чтобы вовлечь их в сферу юрисдикции публичной власти. Институт изгойства объективно становится инструментом, при помощи которого общество осуществляет контроль над теми деструктивными процессами, вызванными перестройкой общественных отношений в переходный период развития, какие происходят в его недрах. Однажды выпав из общества, изгой так или иначе вновь возвращается в него, принимаемые под патронат церковью или князем, что означает установление для них соответствующего материального и социального обеспечения. Так, на наш взгляд, раскрывается историческое содержание позитивного смысла понятия «изгой», которое устанавливается О. Н. Трубачевым путем лингвистического анализа термина. «Надо иметь в виду, — пишет ученый, — связь слов «изгой» и активного поныне «иждивение», последнее — на базе древнего каузатива содержать, прокормить, выкормить'. Точнее «изгой» — в духе словообразования и семантики этого гнезда — 'тот, кто кормится, «вы-кормыш»» (20, 187). Нам кажется, что указанный позитивный смысл понятия «изгой» не мог быть свойственен ему изначально, он образуется на определенном этапе эволюции термина, что связано с достижением известного уровня экономического и социального развития, когда у общества появляются экономические возможности и возникает социальная необходимость принимать на «иждивение» тех своих членов, что стали изгоям.

Итак, социологический анализ изгойства позволяет нам сделать следующие выводы. Изгой — совершенно особая общественная категория, не имеющая, в отличие от остальных общественных групп, определенной социально-ролевой основы. Как социальный институт, изгойство имеет свою историю, развиваясь по мере общественного развития и, с усложнением общественных отношений, само становится более сложным, приобретает разнообразные формы. Первоначально атрибут родовых отношений, изгойство перерастает свою природу и вступает в историческое время в новом качестве широким общественным явлением, охватывающим практически все слои формирующегося гражданского общества. По сути, с этого момента начинается второй период в истории изгойства, когда оно обуславливается причинами социального порядка. Фактором реанимации изгойства в новых условиях является процесс глубокой структурной перестройки общества, характерный для переходного периода общественного развития, — в форме изгойства осуществляется отсев жертв данного процесса. Следующий этап в истории изгойства начинается с появлением института публичной власти, абстрагированной от непосредственных интересов первичных общественных групп и союзов для соблюдения наиболее существенных интересов общества как целого. Отношения изгойства попадают в сферу прямой компетенции публичной власти. Посредством этого устанавливаются принципиально новые взаимоотношения изгоев и общества. С появлением публичной власти заполняется социально-правовой вакуум, в котором существовали до того разрозненные и обособленные общественные образования различных степеней развития, теперь стягиваемые в единую и цельную систему. В результате изгойство в полном смысле становится общественным явлением, а изгой уже не стоит вне остального общества.

Выйдя из одной общественной корпорации, они тем или иным путем обязательно попадут в другую. Публичная власть обеспечит им такой переход.

Источники и литература

1. Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. / Сост. и ред. Я. Н. Шапов. М., 1976.
- 2, 3. Правда Русская. М., Л., 1940. Т. 1. Тексты / Под. ред. Б. Д. Грекова. Т. 2. Комментарии / Под. ред. Б. Д. Грекова (и др.)
4. Российское законодательство X — XX вв.: в 9-ти тт. М., 1984. 1. 1. Законодательство Киевской Руси / Под ред. В. Л. Янина.
5. **ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ М. Ф.** Обзор истории русского права. СПб., К., 1907.
6. **ГРЕКОВ Б. Д.** Киевская Русь. М., 1953.
7. **ГРУШЕВСЬКИЙ М. С.** Історія України — Руси. Львів, 1905. Т. 3.
8. **ДЪЯКОНОВ М. А.** Очерки общественного и государственного строя Древней Руси СПб., 1912.
9. **ЗИМИН А А.** Историко-правовой обзор (Устава Всеволода Мстиславича) // ПРП. М., 1953. Вып. 2.
10. **КАЛАЧОВ Н. В.** Изгои (О значении изгоев и о состоянии изгойства в Древней Руси) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым. М., 1850. Кн. 1.
11. **КЛЮЧЕВСКИЙ В. О.** Объяснение терминов «изгои» и «изгойство» // Сочинения в 8-ми тт. М., 1959. Т. 6.
12. Он же. Подушная подать и отмена холопства в России // Там же. Т. 7.
13. **МАВРОДИН В. В.** Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.
14. **МРОЧЕК-ДРОЗДОВСКИЙ П. Н.** Исследование о Русской Правде. Приложение ко 2-му вып. // ЧОИДР. 1886. Книга 1.
15. **ПОКРОВСКИЙ С. А.** Общественный строй древнерусского государства // Труды Всесоюзного юридического заочного института. 1970. Т. 14 .
16. **ПРЕСНЯКОВ А. Е.** Княжое право в древней Руси. СПб., 1909.
17. **ПЬЯНКОВ А. П.** Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980.
18. **РОМАНОВ Б. А.** Люди и нравы древней Руси (Историко-бытовые очерки XI-XIII вв.). Л., 1947.
19. **РЫБАКОВ Б. А.** Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи М., 1963.
20. **СВЕРДЛОВ М. Б.** Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
21. **СЕРГЕЕВИЧ В. И.** Древности русского права. СПб., 1908. Т. 1.
22. **СМИРНОВ И. И.** К вопросу об изгоях // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М., 1952.
23. **СОЛОВЬЕВ С. М.** История России с древнейших времен. Т. 1. // Сочинения: в 18-ти кн. М., 1988. Кн. 1.
24. **ТИХОМИРОВ М. Н.** Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
25. **ТОЛОЧКО П. П.** Древнерусский феодальный город. К, 1989.
26. **ТОЛОЧКО П. П.** Древняя Русь. К, 1987.
27. **ФРОЯНОВ И. Я.** Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
28. **ФРОЯНОВ И. Я., ДВОРНИЧЕНКО А. Ю.** Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
29. **ЧЕРЕПНИН Л. В.** Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси // ИЗ. 1956. Т. 56.
30. Он же. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности IX-XV вв. // **Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.** Пути развития феодализма.

Закавказье. Средняя Азия. Русь. Прибалтика. М., 1972. вел. кн. Всеволода о церковных судах, людях и мерилах.

31 **ЩАПОВ Я. Н.** Комментарий (к новгородскому уставу торговых) // Российское законодательство X — XXвв. Т. 1.

32. Он же. Государство и церковь Древней Руси X — XIII вел. кн. Всеволода о церковных судах, людях и мерилах вв. М., 1989.

33. **ЮШКОВ С. В.** Феодалные отношения в Киевской Руси // Ученые записки Саратовского университета. 1925. Т 3. Вып. 4.

34. Он же. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., Л., 1939.

35. Он же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.